

СТО ЧАСОВ НОЧИ

АННА
ВОЛЬЦ

СТО
ЧАСОВ
НОЧИ

We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness*.

*Декларация независимости США,
4 июля 1776*

* Мы считаем самоочевидными истинами, что все люди равны по рождению, что они наделены Творцом определёнными и неотчуждаемыми правами, в частности правом на жизнь, свободу и стремление к счастью (англ.).

Так это я — грязный скандал, который набирает в интернете бешеные обороты?

Интересно, поверят на американской границе в сказочку, которую я собираюсь им наплести?

Или у меня есть своя история?

Я не знаю.

Мне четырнадцать. Мой отец носит вельветовые брюки и больше всего на свете любит смотреть на звёзды. И да, чуть не забыла, в прошлый вторник мой мир из-за него разлетелся ко всем чертям. Моя мать — Нора Квин. Она родилась в Ирландии и иногда говорит со мной по-английски.

На самом деле я хотела сказать: она иногда со мной говорит. И всегда по-английски.

Её картины висят в музеях по всему миру, и если ей взбредёт в голову снять с себя всю одежду и голышом начать работу над новым произведением прямо у нас на крыше, то именно так она и сделает.

Я — их дочь. Это всегда было моей историей.

А теперь у меня ничего не осталось.

1

Кроме меня, никто во всём мире не знает, что я собираюсь сегодня сделать. Конечно, если хватит смелости.

Мои сапоги смиренно стоят в ожидании на гладком полу аэропорта. Когда кто-нибудь смотрит в мою сторону, моё сердце на минуту замирает. Вдруг эти люди видели меня в интернете? Вдруг они меня узнали? И сейчас начнут орать и обругают последними словами?

Но ничего не происходило. Люди в зале вылета смотрели сквозь меня. Да, вчера они прочитали новость о моём гадком папаше, а сегодня собрались в путешествие. Они тащили за собой чемоданы и орущих детей и уже забыли о своих соцсетях.

Но я ещё не забыла их угрозы.

Моё дыхание участилось во вторник вечером и до сих пор не успокаивалось. У меня постоянно сохнет во рту. А где-то в голове не переставая звонит тревожный колокольчик. «Опасность, — говорит он. — Убегай отсюда. Беги!»

Я делаю вид, что нет ничего странного в том, что я совсем одна в огромном аэропорту. Над головой сменяются надписи на информационном табло,

я чувствую рядом запах мужского пота, мимо в пластиковой клетке катят собаку размером с телёнка.

Каждые тридцать секунд я хватаюсь за сумку, потому что я хочу достать телефон, — но каждый раз останавливаюсь на полпути. Я выключила мобильник, впервые в жизни.

Я заранее достала паспорт и листала бледные странички без единого штампа. На странице с фотографией я остановилась. Я не люблю смотреть на собственные снимки. Волосы слишком прямые, глаза слишком большие, лицо слишком белое. У меня вечно такой вид, будто я пытаюсь раствориться в пространстве.

Но с этой фотографией в паспорте всё по-другому: её сделали три года назад, когда я ещё ходила в начальную школу. У меня пока не перепуганный вид, и вообще, я выгляжу так, будто я в полнейшем восторге от перспективы всей моей будущей жизни. Тогда мне было одиннадцать и я выращивала микро-салат в яичной скорлупе.

Так вот, я больше не та девочка.

Рядом с фотографией в паспорте стоит моё имя: Эмилия Десембер де Вит. Серьёзно, меня так зовут.

Это второе имя придумала моя мать. И даже когда я немного подзадержалась и родилась только второго января, ей показалось, что это прекрасная идея — назвать ребёнка Декабрь.

Мой отец тогда вполне мог сказать: «Может, ей больше подойдёт Анна? Или Маргарита?» Или предложить: «Давай назовём её Косинус Равнобедренный Треугольник де Вит?» А вдруг тогда до моей мамы дошло бы, что это не самая лучшая мысль —

реализовывать собственные причуды в имени своей дочери.

Но мой отец промолчал. Конечно, этот человек и четырнадцать лет назад был эгоистичной сволочью. И ему было абсолютно наплевать, как назвать собственное дитя.

Наконец подошла моя очередь. Я положила паспорт на стойку и безуспешно попыталась почувствовать во рту хоть каплю слюны.

— Куда ты летишь? — спросила сотрудница авиакомпании в солнечно-жёлтом костюме.

— В Нью-Йорк.

Я выпрямила спину. Мне было страшно. Но в то же время я почувствовала у себя в крови что-то новое, когда произнесла название этого города. Я лечу в Нью-Йорк. Над кроватями всех моих подружек висят постеры с парнями, которых они никогда в жизни не видели. У меня над кроватью висит панорама Нью-Йорка. Я никогда там не была, но я была в него влюблена.

— Ты летишь одна? — спросила девушка.

Я кивнула и стала отвечать на её вопросы, с трудом переводя дыхание.

Да, я сама собирала свой чемодан.

Нет, у меня в ручной клади нет опасных веществ.

Да, я беру с собой в самолёт только эту сумку.

Она посмотрела на меня, но не узнала. И, слава богу, не вспомнила, что вчера в новостях видела омерзительного типа с моей фамилией.

Она наклеила бирку на мой битком набитый чемодан и отдала мне посадочный талон. Посадка на рейс начнётся через полтора часа.

Я совсем одна, я иду на паспортный контроль. Никто не ведёт меня за руку, и без чемодана мне на удивление легко. Внутри всё дрожит. Я до сих пор не могу в это поверить: я правда это сделаю. Два дня назад это была просто мысль. Я просто подумала: будь я другой девчонкой, показала бы этому миру средний палец и сбежала в Нью-Йорк.

Сегодня пятница, 26 октября. Через десять с половиной часов я уже буду там.

Когда ты один, всё выглядит по-другому. Цвета вдруг становятся ярче, звуки — громче, а планы могут рухнуть в один миг. Я прошла через гудящий зал за таможенным контролем и сказала себе, что ничего не боюсь. Девчонка, которая ночью стащила кредитку своего отца, чтобы купить билет на самолёт, не будет плакать в туалете аэропорта. Такая девчонка не устроит истерику на ровном месте и не включит телефон, чтобы позвонить мамочке.

Я купила капучино, хотя совсем не люблю кофе, но мне нужно было оставаться начеку. Порез на левой ладони всё ещё болел. Через пластырь начала проступать кровь, но с этим я ничего не могла поделать. Я скорее истеку кровью, чем пойду менять пластырь в общественный туалет.

И тут я застыла на месте.

Я уставилась на девушку в магазине с дорогушими сумками. Белые локоны, джинсы в обтяжку и «утги». Это была Юно — я не могла ошибиться. Она стояла ко мне спиной, и её лица не было видно. Я ждала, когда она обернётся. Сердце колотилось.

Это оказалась не она.

Шатаясь, я добралась до ближайшего ряда пластиковых кресел. Села, сцепила руки, но тут же разжала их, потому что почувствовала боль от пореза. Как мне вообще могло прийти в голову, что я смелая?